

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

М.В. Ласкова, Е.А. Пантелеева*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**mvlaskova@sfnedu.ru***МАССМЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ*****[Marina V. Laskova, Elena A. Panteleeva******Media-discourse through the prism of translation decisions]***

It is considered the issue of defining what media-texts are as well as the problem of their classification. The article is also devoted to the study of the media-texts language, translation techniques and transformations that occur while translating such texts. Translation of modern media-texts requires preserving both explicit and implicit information by performing different translation transformations, that help to attain a requisite level of equivalence. The study is based on a multi-aspect comparative analysis of the source media-text in English and the target media text in Russian.

Key words: media-text, multimodal text, media-discourse, translation analysis, linguistic analysis, comparative analysis, translation transformations, translation techniques, media linguistics.

В связи с глобализацией Интернета и общей технологизацией социума востребованность и значение средств массовой информации выходят на совершенно новый уровень, современные СМИ начинают охватывать еще большие объемы потенциальной читательской и зрительской аудитории, становятся более доступными людям, принадлежащим к различным лингвокультурным общностям. Сегодня СМИ предоставляют разного рода информацию, просвещают, разъясняют, способствуют формированию культурной и языковой картин мира, дают пищу для рефлексии, манипулируют, служат коммуникативным рупором власти, пропагандируют и развлекают.

Немецкий социолог Н. Луман считает, что в XXI в. СМИ – основные инструменты создания окружающей нас реальности. Положительная динамика появления различных массмедийных текстов, разнообразие типов средств

массовой информации, а также языковое содержание медиа-текстов являются весомым поводом исследовать современное медиа-поле с собственно лингвистической и транслатологической точки зрения.

Понятийные характеристики «массмедийного текста» рассматривались многими учеными. Н.А. Кузьмина рассматривает массмедийный текст в качестве коммуникативной единицы высшего порядка, которая характеризуется динамичностью и является прямым посредником в общении СМИ и массового потребителя информации [4]. Г.Я. Солганик, российский специалист в области языковой стилистики, определяет массмедийный текст как подтип текста, направленный на массовую аудиторию, характеризующийся открытым или косвенным присутствием авторского «я» и специфической текстовой модальностью [5]. Профессор Я.Н. Засурский приводит крайне удачное, на наш взгляд, и развернутое определение термина, называя массмедийный текст не иначе, как новый мультимедийный разножанровый продукт средств массовой информации, имеющий различные медийные формы и воплощения (печатные издания, интернет-ресурсы, телевидение). Главным качеством массмедийного текста, по мнению Я.Н. Засурского, является многослойность [2].

Занимаясь исследованием феномена массмедийных текстов, Т.Г. Добросклонская приходит к выводу о необходимости рассмотрения таких текстов в контексте вполне конкретной дисциплины, а именно медиалингвистики, науки, изучающей специфику функционирования лексических и грамматических языковых средств в медиа-поле. Это объясняется тем обстоятельством, что массмедийный текст не ограничивается сугубо языковыми рамками и печатным форматом, а включает в себя компоненты различных семиотических систем (невербальные, визуальные, звуковые, графические элементы), которые в значительной степени влияют на содержание медиа-текста, его стилистику [1].

Следует подчеркнуть, что любому массмедийному тексту присущ ряд постоянных признаков. Массмедийные тексты характеризуют особая языковая специфика (использование лексических, грамматических, синтаксических средств, понятных большинству представителей массовой аудитории, обилие эмоционально-окрашенной лексики), событийная актуальность, идейно-тематическая многоплановость, интегральность, композиционная и смысловая це-

лостность, а также структурная гетерогенность текста (современные массмедийные тексты содержат разнородные по своей природе элементы: вербальные, графические, аудиовизуальные). Исходя из этого, массмедийный текст можно также назвать креолизованным текстом, т.е. семиотически осложненным текстом, сочетающим в себе речевые и невербальные элементы. Кроме того, несмотря на содержательную завершенность, массмедийные тексты часто характеризуются смысловой открытостью, т.е. они структурированы таким образом, что дают массовому потребителю возможность самостоятельно интерпретировать медийный материал [4].

Затрагивая проблему классификации массмедийных текстов, стоит отметить, что сегодня еще не выработана их четкая типологии, что объясняется стремительным развитием медиасферы и отсутствием конкретного объективного критерия, который может быть взят за основу классификации. На наш взгляд, Т.Г. Добросклонская предлагает удачную типологию массмедийных текстов, подразделяя их на несколько кластеров по: 1) способу создания массмедийного текста (авторский–коллегиальный); 2) речевой форме (устная–письменная); 3) типу коммуникационного канала (различные виды и форматы СМИ); 4) текстовому жанру массмедийного продукта (публицистический, рекламный, новостной репортаж) [1]. Также, с точки зрения Н.А. Кузьминой, массмедийные тексты следует классифицировать, принимая во внимание аспект структурного наполнения текста. Так, массмедийные тексты можно типологизировать как речевые, невербальные (содержащие только визуальные, графические элементы) и семиотически сложные (содержание и вербальные, и невербальные компоненты) [4].

Для выявления транслатологических особенностей массмедийных текстов и рассмотрения специфики функционирования языковых средств в медиа-поле, обратимся к сопоставительному анализу современного англоязычного медиа-текста и его русскоязычной адаптированной версии. В качестве материала исследования был использован текст статьи, опубликованной 22 января 2020 г., посвященной критике позиции руководства Йельского университета в отношении изучения истории искусств в современную эпоху политической идентичности. Автором статьи выступает Джеймс Панеро, американский журналист и критик в области культуры и искусства, что предполагает широкую осведомленность автора об озвученной нами теме статьи.

Оригинальная статья взята из онлайн-версии британского журнала “The Spectator” [The Spectator, www]. Русскоязычная версия статьи находится на онлайн медиа-портале «ИноСми.ru» [ИноСми, www].

В целом статья адресована зрелой аудитории, людям, имеющим представление о политике и интересующимся событиями, которые происходят в современном мире на социальном, политическом и культурном уровнях. Дж. Панеро реализует следующую коммуникативную задачу: осведомить своего читателя о тенденции вершить искусство не во имя искусства, а во имя неких политических идей. По нашему мнению, стиль статьи стоит определить как газетно-публицистический, о чем говорит ряд присущих этому стилю признаков содержательно-лингвистического характера: злободневность темы, использование общественно-политической лексики, например, “*comrade*”, “*bourgeois*”, “*political order*”, употребление вопросительных синтаксических конструкций (“*Want to see the Matisse?*”, “*Are we in our revolutionary moment?*”), обилие лексики, имеющей яркую эмоциональную окраску: “*stale*”, “*poisonous rash*”, “*identity vandals*”. В целом публикация характеризуется высокой информативной текстовой тональностью, выполняя ценностно-ориентированную и коммуникативную функции.

Сопоставляя исходный заголовок оригинального массмедийного текста с его русскоязычной версией, адаптированной для русскоговорящего читателя, мы отмечаем, что и англоязычное название статьи, и его интерпретация выражены подчинительными номинативными словосочетаниями, заголовок переведен практически дословно. Тем не менее при переводе имени собственного “*Yale*”, под которым понимается социально и культурно значимая для американской лингвокультурной общности реалия (“*Yale University*”), переводчик прибегает к таким видам трансформации, как замена части речи и лексическое добавление, раскрывающее значение имени собственного “*Yale*”, которое, вероятно, не вызывает мгновенных ассоциаций у среднестатистического русскоязычного читателя. Таким образом, имя собственное “*Yale*” трансформируется в относительное прилагательное “*Йельский*”, которое дополняется существительным “*университет*”, позволяющим категоризировать понятие “*Yale*” как “*учебное заведение*”. Нам видится необходимым отметить тот факт, что исходное заглавие значительно лаконичнее, компактнее переведенного, что объясняется коммер-

ческим успехов кратких, броских заголовков, а также типичной чертой английского языка — стремлением к экономии языковых средств: *Stalin at Yale – Сталин в Йельском университете*

Самое первое предложение адаптированной статьи, представленное нами ниже, отличается от оригинального, несмотря на то что оба являются вопросительными по цели высказывания. В предложении языка оригинала подлежащее выражено личным местоимением “we” множественного числа, 1-го лица, это позволяет автору статьи напрямую обратиться к своей читательской аудитории, подталкивая к размышлениям. Осуществляя транслатологические преобразования, переводчик перестраивает «грамматический скелет» синтаксической конструкции, трансформируя обстоятельство времени “*moment*” в подлежащее русскоязычного предложения. Определение “*revolutionary*” становится второстепенным членом предложения с синкретичной семантикой, тогда как определение “*own*” вовсе опускается. Также переводчик использует прием добавления модальной, вопросительной частицы «ли». Кроме того, настоящее время переводчик заменяет прошедшим временем, происходит функциональная замена времени. То есть речь идет о комплексной переводческой трансформации: *Are we in our own revolutionary moment? – Настал ли момент революции?*

Анализируя структуру и лексическую наполняемость нижеприведенных предложений, мы наблюдаем функциональную замену настоящего совершенно-длительного времени, которое в русском языке отсутствует, настоящим временем: “*has been working*” – “*трудятся*”. Инфинитив “*to prove*” трансформируется в придаточное предложение цели: *Yale University has been working over time to prove it is on the right side of history – Йельский университет трудится дено и ноцно, чтобы доказать, что он–на верной стороне истории.*

Нашего внимания заслуживает прием компрессии, используемый при переводе словосочетания “*stained-glass windows*”, это помогает избежать лексической избыточности. При подборе равноценного эквивалента фразовому глаголу “*...knocked out*”, переводчик останавливается на словарном соответствии «выбиты»: *‘Offensive’ stained-glass windows have been knocked out – «Оскорбительные» витражи выбили.*

В процессе переводческой адаптации следующего предложения происходит перестановка членов предложения внутри синтаксической конструкции. При

переводе абстрактного существительного в единственном числе “*leadership*” переводчик прибегает к морфологической замене числа существительного и конкретизации - «*боссы*». Отсутствующий в оригинале фразеологизм «прийти в голову...» представляет собой такую трансформацию как логическое развитие. Переводчик обращается к нулевому переводу неопределенного артикля “*an*” и опускает существительное “*school*” (“*an Ivy League school*”). При осуществлении транслатологической трансформации словосочетания “*poisonous rash*” переводчик использует такие приемы, как опущение определения и генерализация. Существительное «зараза», в свою очередь, принадлежит к разговорному стилю языка, а потому способствует реализации ироничного эффекта: *Only the leadership of an Ivy League school could spread such a poisonous rash – Распространять эту заразу могло прийти в голову лишь боссам Лиги плюща.*

При трансформации части подлежащего “*Heading the charge*” переводчик прибегает к использованию компрессии и замене числа существительного, при этом коннотативное значение существительного «*нападки*» существенно уступает в степени смысловой серьезности нейтральному существительному «*обвинения*», например, при этом слово «*нападки*» ярче передает характер многократности действия, заложенного в семантике этой лексической единицы. Часть подлежащего “*Dead White Man*” на самом деле является аллюзией к одноименной критической пьесе пера Дэвида Уильямсона, которая не была адаптирована на русский язык, а потому сохранение капитализации начальных букв каждой отдельной языковой единицы, составляющей данное словосочетания, была бы бессмысленна. Вместо этого мы наблюдаем частеречную трансформацию (качественное прилагательное “*dead*” заменяется конкретным существительным «*труп*»), а также лексическое добавление «*хладный*». Полученное в процессе перевода словосочетание «*хладный труп*» представляет собой общеязыковой эпитет. Что касается перевода словосочетания “*pale and stale*”, являющегося частью пейоративного идиоматического выражения “*male, pale and stale*”, мы наблюдаем процесс деидиоматизации, потому как подобная идиома не закреплена в русскоязычной культурной картине мира, а потому не имеет равнозначного эквивалента: *Heading the charge against the Dead White Male has been a progressive Yale bureaucracy that is, for the most part, pale and stale – Нападки на хладный труп Белого мужчины — последняя придумка Йельской бюрократии, вялой и выдохшейся.*

Адаптируя на русский язык сложное прилагательное, являющееся обособленным уточняющим членом предложения (в ходе перевода синтаксическая функция сохраняется), “*british-born*”, переводчик обращается к частеречной замене и преобразует исходное сложное прилагательное в привычное нам номинативное словосочетание с типом связи «согласование», состоящее из причастия и существительного («урожденный британец»). Имя собственное “*Paul Mellon*” переводится на русский язык с помощью транскрипции и выполняет в предложении роль метонимии (имя основателя используется вместо наименования учреждения, названного в его честь). Осуществляя трансформацию словосочетания “*leading curator*”, переводчик прибегает к калькированию и транслитерации: “*ведущий куратор*”: *British-born, Barringer is the Paul Mellon Professor of the History of Art at Yale University and has been a leading curator at the Metropolitan Museum – Урожденный британец, Бэрринджер – профессор истории искусств образовательного центра Пола Меллона при Йельском университете и ведущий куратор музея Метрополитен.*

В целом переводчик предпочитает придерживаться лексики текста оригинала при осуществлении транслатологической трансформации данного обстоятельства времени: “*Following a mandate to ‘decolonize’ Yale’s Department of English*”. При этом мы наблюдаем существенные грамматические и синтаксические изменения исходной конструкции. Вместо обстоятельства времени переводчик вводит деепричастный оборот, субъектно-предикативная инфинитивная конструкция “*mandate to decolonize*” заменяется номинативным словосочетанием с типом связи управление с синкретичными смысловыми отношениями между компонентами: «*мандат на деколонизацию*». При переводе следующего словосочетания “*famous art history survey course*” опускается существительное “*survey*”, уточняющее специфику учебного курса. Транслатологическая адаптация экспрессивного словосочетания “*identity vandals*” иллюстрирует применение переводчиком такой трансформации, как смысловое развитие: *Following a mandate to ‘decolonize’ Yale’s Department of English, Barringer is giving over the keys of Yale’s famous art history survey course to the identity vandals – Получив мандат на «деколонизацию» факультета английского языка, Бэрринджер теперь сдает вандалам, исповедующим политику идентичности, ключи от прославленного курса истории искусств.*

Мы можем отметить применение такой транслатологической трансформации, как компрессия (“...instead of one class that will tell the story of art from ‘Renaissance to the Present’, new courses will be devised to consider art in relation to a five-step history lesson” – «на смену нынешней программе «от Возрождения до наших дней» придет пятиступенчатый курс»). Кроме этого, происходит замена формы множественного числа существительного “courses” единственным, определение к этому существительному “new” опускается. Термин “Western Capitalism” адаптирован с помощью калькирования: *According to the Yale Daily News, instead of one class that will tell the story of art from ‘Renaissance to the Present’, new courses will, Barringer says, be devised to consider art in relation to a five-step history lesson, ‘questions of gender, class and race’, with further discussion of art’s ‘involvement with Western capitalism’* – Как сообщил Бэрринджер университетскому вестнику, на смену нынешней программе «от Возрождения до наших дней» придет пятиступенчатый курс, переключаясь с историей и вопросами «пола, класса и расы», а также дальнейшая дискуссия о связи между западным искусством и капитализмом.

При транслатологической трансформации данного предложения переводчик использует прием антонимического перевода, что способствует процессу реметафоризации, сохранению экспрессивности исходного предложения: “doesn’t fare well” – «приходится несладко»: *Art doesn’t fare well in revolutionary times* – Во времена революций искусству приходится несладко.

Для английского языка, аналитического по своему характеру, типичен фиксированный порядок лексических единиц. Именно поэтому переводчик обращается к синтаксической перестановке. Следует прокомментировать социополитический термин, а именно советизм “Bolsheviks”, относящийся к этноспецифической лексике, заимствованный из русского языка. Любопытно, что форма множественного числа данного заимствования все же изменяется в соответствии с правилами английского языка (так же, как и название царской династии “Romanovs”). Осуществляя транслатологическую трансформацию имени собственного “Picasso”, которое является ярким примером антономазии, переводчик сохраняет литературный троп. Перевод словосочетания “suffered the same fate” не требует особых усилий, так как это словосочетание имеет устойчивый эквивалент («*постигла та же участь*»), зафиксированный

в различных словарях: *Then the Bolsheviks arrived to make sure their Picassos suffered the same fate as their Romanovs – Затем явились большевики и позаботились о том, чтобы их Пикассо постигла та же участь, что и Романовых.*

Переводчик решает значительно видоизменить нижеуказанное оригинальное предложение. Во-первых, происходит частеречная замена, а именно нейтральное междометие “*Sorry*” заменяется глаголом повелительного наклонения «*Извиняй*», имеющим ярко-выраженный просторечный характер. В ходе транслатологической трансформации существительного “*comrade*”, которое ассоциируется у среднестатистического жителя западных стран с Советским союзом, переводчик подбирает эквивалент «*товарищ*», слово, не лишенное социально-политической подоплеки. перевод оригинального предложения демонстрирует такую грамматическую трансформацию, как замена на уровне типа предложения по цели высказывания. Так, исходное повествовательное предложение заменяется восклицательным, что, соответственно компенсирует иронический контекст: *Sorry, comrade, now you were out of luck – Извиняй, товарищ!*

Таким образом, мы можем говорить о таких лингвистических и психолингвистических признаках массмедийного текста, как высокая степень присутствия авторского «я», композиционно-смысловая открытость, частое использование экспрессивных лексических языковых средств и стилистических грамматических приемов, коллоквиальность, метафоричность и идиоматичность языка. Перевод массмедийных текстов требует осуществления различных транслатологических трансформаций, детерминированных лингвистическими и экстралингвистическими маркерами, позволяющими достичь определенный уровень эквивалентности.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 203 с.
2. *Засурский Я.Н.* Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 3-6.

3. ИноСми.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/social/20200204/246761659.html> (Дата обращения: 12.09.2020).
4. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: учеб. пособие. Омск, 2011. 414 с.
5. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. 2005. № 2. С. 7-15. Серия 10: Журналистика.
6. Соломина А.В. Отражение национально-культурной специфики в аналитическом дискурсе: на материале СМИ: СПб., 2010. 173 с.
7. Allan B. The language of news media. Oxford: Blackwell, 1991. 296 p.
8. The Spectator [Электронный ресурс]. URL: <https://spectator.us/stalin-yale-art-history/> (дата обращения: 12.09.2020).

R E F E R E N C E S

1. Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: a systematic approach to learning the language of the media. Moscow: Flinta: Nauka, 2008.203 p.
2. Zasursky Ya.N. Editor's column: media text in the context of convergence // Bulletin of the Moscow University. Series 10: Journalism. 2005. No. 2. P. 3-6.
3. InoSmi.ru [Electronic resource]. URL: <https://inosmi.ru/social/20200204/246761659.html> (accessed: 09.12.2020).
4. Kuzmina N.A. Modern media text: textbook. allowance. Omsk, 2011.414 p.
5. Solganik G.Ya. On the definition of the concepts "text" and "media text" // Bulletin of the Moscow University. 2005. No. 2. P. 7-15. Series 10: Journalism.
6. Solomina A.V. Reflection of national and cultural specifics in analytical discourse: on the material of the media: St. Petersburg, 2010.173 p.
7. Allan B. The language of news media. Oxford: Blackwell, 1991.296 p.
8. The Spectator [Electronic resource]. URL: <https://spectator.us/stalin-yale-art-history/> (date of access: 09/12/2020).

23 ноября 2020 г.